

Н.Ю. Петровская

Бирский филиал Башкирского государственного университета, г. Бирск

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОВЕСТИ А.Н. ТОЛСТОГО «МИШУКА НАЛЫМОВ»
FICTIONAL DETAIL AS A MEANS OF EXPRESSING NATIONAL
IDENTITY IN “MISHUKA NALYMOV” STORY BY A.N. TOLSTOY**

Ключевые слова: Проза А.Н.Толстого, национальная идентичность, «русская идея», национальный характер, традиции национального бытия, художественная деталь, философия русской жизни, народные истоки бытия, деталь-символ, повесть «Мишука Налымов»

Key words: Tolstoy's prose, national identity, the “Russian idea”, national character, national traditions, fictional detail, Russian philosophy, folk origins, symbolic image, “Mishuka Nalymov” story

Последнее столетие стало эпохой кризиса национальной идентичности русского народа. «Надо самим знать, в чем состоит русскость русского и как приобретается она<...> – та особенная своеобразность нашей Родины и ее народа, ее души и ее культуры, которую из других народов не любит и не чтит тот, кто ее не изведал, не испытал и не увидел», – отмечает профессор И.А. Ильин (Ильин, 1994: 184). Доказано, что нормальное личностное развитие невозможно без «витаминов национального». Человеку «необходимо осознание принадлежности к своей нации, ее культуре, языку, типичным нормам национального поведения» (Желтова, 2006: 10). Насколько человек верно и полно усвоит национальную идентичность, настолько правильными и жизнеспособными будут его личностные и общественные цели и приоритеты.

Актуальная в современных условиях проблема национальной идентичности находит отражение и в художественной литературе. Чрезвычайно интересно проанализировать, как проявляется в художественном произведении национальная идентичность, понимаемая на основе традиционного определения нации как социокультурной общности и трактуемая как осознание индивидом своей принадлежности к этой общности и осознание общностью своей специфики и самобытности. Идентичность личности – это, как ее определяют психологи, «устойчивое представление о себе» (Радугин, 2002: 182), возникающее на основе уподобления с участием самоанализа. В процессе самоидентификации человек уподобляет, отождествляет себя с кем-либо или чем-либо, создает систему ответов на вопрос «кто я?» (там же, с.182-183). В эту систему входит и ответ на вопрос «кто я в национальном отношении?», то есть национальная идентичность, отождествление себя с определенной национальной общностью, является частью идентичности личности.

«Коллективная национальная идентичность вырабатывается в ходе саморефлексии нации, в ходе которой осуществляется не уподобление и/или отождествление, а сопоставление и/или сравнение себя с другими нациями, и заключается в осознании нацией таковой, признание себя нацией, обладающей определенными признаками. Часть этих признаков проходит через всю историю народа и является постоянными, константными, а часть – возникает на определенных этапах исторического развития и может быть отнесена к вариативным» (Попова, 2004: 16). Нация и ее представители в процессе саморефлексии отвечают на вопросы «что я такое в национальном отношении?», «кто такие мы как русские (немцы, татары, французы), какие черты нас объединяют?». Коллективная национальная идентичность близка понятию «национальное самосознание». Конкретные воплощения национальной идентичности, ее инварианты в последнее время стали называть «русскостью», «немецкостью», «ирландскостью» и так далее.

Национальная идентичность имеет сложную внутреннюю структуру, включающую в себя как национально-государственный или гражданско-правовой элемент, определяемый иногда как этническая и гражданско-государственная (Кретицин, 2002: 52) или этносоциальная и политическая (Куропятник, 2003: 126) идентичности. Удачно пишет об этом, не употребляя термин «национальная идентичность», Дж. Хоскинг: «Национальное сознание имеет два аспекта. Первый – гражданский: нация – это граждане, участвующие – или вовлеченные – в создание законов, их принятие и управление через выборные центральные и местные органы, суды, а также политические партии, добровольные общества и другие институты гражданского общества. Второй аспект – этнический: нация – это общность людей, объединенных одним языком, культурой, традициями, историей, экономикой и территорией.» (2001: 7). Эти составляющие могут находиться в сложных диалектических взаимоотношениях и иметь разное количественное соотношение и разную значимость как в разные исторические эпохи, так и в одно и то же время у разных наций.

Выдвижение проблемы национальной идентичности в жизни общества на первый план, ее актуализация обуславливается рядом факторов, среди которых заметное место принадлежит войнам, кризису национальной идентичности, вызванному разными причинами, в том числе распадом империй и наднациональных государственных образований, массовой эмиграцией, глобализационными процессами.

Какие обстоятельства и как влияли на национальную идентичность русских в XX столетие? Попытки осознать, что есть Россия, активизировались еще в конце XIX века. Наиболее ярким и известным проявлением интереса к этой проблеме стала лекция Вл. Соловьева «Русская идея» (1888). Исследовательница М.К. Попова предполагает, «что интерес к своей национальной сущности, который в это время характерен не только для России, но и для некоторых других стран..., наряду со специфическими для каждой национальной культуры причинами был своего рода реакцией на

транснациональные процессы, происходившие прежде всего в экономике... в конце XIX столетия» (2004: 24-25).

Умы многих поэтов «серебряного века» занимал вопрос «Что есть Россия?». Так А. Белый осмысливал Родину и ее судьбу в мистико-теософских терминах. Особое место размышления о родной стране занимают в поэзии А.Блока. «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь», – писал поэт (1980: 11). В созданных между двумя русскими революциями стихах А.Блока предстает «нищая Россия» – красавица, обладающая «разбойной красотой», в будущее которой поэт искренне верит («не пропадешь, не сгинешь ты»), какие бы тяжелые испытания ей не выпали (стих. «Россия», 1908). В это время для поэта Россия – это «Русь», «жена моя», вместе с которой он готов пребывать в состоянии «вечного боя», когда «покой нам только снится» (стих. «На поле Куликовом», 1908). В этих стихах отражена общая для младосимволистов идея об особой исторической миссии России (подробнее об этом см.: Удодов, 2002: 93-94).

В этот же период начинается творческий путь А.Н.Толстого. На первый взгляд молодой писатель был далек от масштабных размышлений об исторических судьбах России, однако, цикл «Заволжье» продемонстрировал, что прозаику было изначально присуще эпическое восприятие действительности. А эпическое «миросозерцание есть мышление о бытии в самом крупном плане, по самому большому счету и через самые коренные ценности» (Гачев, 2008: 82). В то же время сильной стороной заволжской хроники исследователи признают изображение «нетленного и огнеупорного быта» отнюдь не только в обстановке и в костюмах, но и в самих характерах, в «типах эпохи». Это значит, что А.Н.Толстой был занят поиском воплощения единства конкретно-исторического бытия и быта личности, гармоничного развития человека и мира, и «при всей важности повседневно-жизненного существования человека значимость этого существования обнаруживается для А.Н.Толстого только во внутренней соотнесенности его с судьбой народа, с конкретно-исторической его жизнью, с историческим временем бытия России» (Мущенко, 1983: 4). Следовательно, осмысление национальной идентичности нашло свое отражение в художественном сознании А.Н.Толстого и конкретное воплощение в произведениях цикла «Заволжье». Специфика художественного творчества заключается в том, что проблемы и идеи выражаются в нем при помощи художественных средств, проследим это в ранней прозе А.Н.Толстого.

Л.М. Поляк, сравнивая художественный метод начинающего писателя с поэтикой модернистов, считала А.Н.Толстого художником, который не мирился с «приблизительностью, неясностью, недоговоренностью» в искусстве», «стремился, прежде всего, к конкретности, вещественности, зримости изображаемого» (Поляк, 1964: 38). Став признанным мастером слова, он неоднократно напоминал писателям о том, что они должны видеть изображаемое, «галлюцинировать» до мельчайших деталей, зрительно представлять себе описываемых людей и обстановку, в которой действуют герои. В этой связи считаем правомерным обратиться в анализе

художественных деталей, выражающих национальную идентичность персонажей и автора, в повести А.Н.Толстого «Мишука Налымов».

В произведении писателем воссоздан мир русской жизни, картины изображенного мира складываются из отдельных художественных деталей. Под художественной деталью мы будем понимать мельчайшую изобразительную или выразительную подробность: элемент портрета или пейзажа, отдельную вещь, поступок, психологическое движение и т.д. Исследование национальной идентичности обращает прежде всего к анализу деталей портретов героев, поскольку у Толстого герой «служит мировоззренческой и стилевой точкой опоры художественного целого». (Мущенко, 1983: 11).

К особенностям портретной характеристики героев следует отнести фрагментарность портретных зарисовок, которые встречаются в ходе всего повествования. При создании образа главного героя – Мишуки Налымова, чье имя дало название повести, автор использует портретное описание. В нем последовательно дается перечень портретных деталей, который следует признать неполным: *«сидит в халате сам Мишука, – Михал Михалыч Налымов, – с отвислыми усами, с воловьим, в три складки затылком, и поглядывает, насупясь, на проезжающий тарантас»* (Толстой, 2000: 64). В качестве характеризующей детали следует отметить халат, ставший символом «обломовщины», специфического образа жизни русских людей. Более подробного, целостного портрета персонажа в повести нет. Однако он создается в представлении читателя из отдельных характеристик, которые даются герою в зависимости от ситуации по ходу развития сюжета произведения.

Обязательной художественной подробностью в таких характеристиках выступает портретное сравнение героя с каким-либо животным: *«его медвежьи глазки округлились»*, *«потаптывая ногами один, как гусь»*, *«медведем схватил Веру»*, *«лицо было жуткое, отечное, под глазами собачьи мешки»*. В деталях портрета так много животного, потому что А.Н. Толстой стремится подчеркнуть скорее материальное, животное начало, чем духовное, в образе Мишуки. Его поведение тоже сродни повадкам зверей. *«Страшно сопя»*, *«свирепея»*, *«дико озираясь»*, *«ухал»*, *«рычал»* – так прозаик описывает действия своего героя. Мишука замечает в поступках и чувствах окружающих только то, что может быть объяснено физиологически: *«Завелась около два кобеля, – думал он, – хвостом завертела.... Царапаться...»* (там же, с.74). Мир животных ему ближе: конь приветствует его «нежным» ржанием, борзая Снежка чувствует смерть Мишуки как горестное событие, в то время, когда всякий *«знающий уездные порядки далеко огибал по степи»* его усадьбу, да и гости к Налымову *«редко заезжали»*. Помещик-самодур, он груб в обращении с людьми, женщины нужны ему только для утоления его животных страстей, и обращается к ним он не иначе как *«протери глаза, грачиха»*, *«для этого тебя и держу, корова»*.

В повествовании трудно отыскать художественные детали, которые характеризовали бы психологическое состояние героя. Он скуп на слова, ему лень формулировать свои мысли, автор отказывает Мишуке в глубоких, внутренних переживаниях. Мысли героя «не выходят» за пределы усадьбы, поступки продиктованы исключительно физиологическими потребностями. Он кичится званием предводителя дворянства, однако его социальная идентификация формальна. Из уст Ольги Леонтьевны Репьевой звучит общественное порицание поведения Мишуки: «*Гадко, Мишенька, недостойно...*» (там же, с. 68).

Образ Мишуки Налымова олицетворяет равнодушие к окружающему миру природы, попрание нравственных законов жизни, полное забвение традиций национального бытия. Автор обращает внимание на то, как «*в полутемном, всегда запертом зале с портретами дам и кавалеров в напудренных париках, с золоченой мебелью, изъеденной мышами, печально звенела подвесками хрустальная люстра*» (там же, с. 80). Художественные детали призваны подчеркнуть авторское сожаление по поводу духовной деградации Мишуки, который не хранит светлой памяти о своих предках. Героем владеют низменные страсти: похотливость, обжорство, гнев, желание мстить. Портреты родных, попавшиеся ему на глаза, превращаются в «*неясные пятна*», которые и не будят в Мишуке добрых чувств. Эта, казалось бы, незначительная подробность заставляет задуматься, как страшно, когда от прошлого остаются «*неясные пятна*» вместо заметного, доброго следа, вечной памяти. Очевидно, вырождение, «*пятно*» случилось в роду Налымовых (недаром вспоминают шалости Налымова-отца) еще до появления Мишуки, у которого напрочь отсутствует представление о нравственной чистоте. Даже на смертном одре, вместо того чтобы молиться, он помышляет обесчестить Веру Ходанскую, которой он так и не овладел. Описывая последние минуты жизни Мишуки, писатель констатирует: «*Он был страшен – распух до нечеловеческого вида*» (там же, с. 96), словно стараясь подчеркнуть, что только внешний облик героя был человеческим, остальные его проявления были иными по своей природе. По этой причине А.Н. Толстой не использует художественных деталей в портрете и описание судьбы героя, которые характеризовали бы его как национальный тип. Даже свою личную жизнь Мишука устраивает нетрадиционным для русского человека образом, имея в своем доме подобие гарема. «*Татарин, прости господи, твой барин, - проговорила умильная скотница*» (там же, с. 76) в беседе с налымовским кучером, сразу обозначив свою национальную идентичность. Мишука Налымов лишен национального самосознания, он умирает в полном одиночестве, чужой и никому не нужный в мире русской жизни, как экзотический крокодил («*Сегодня подох, значит и я...*»), который становится деталью-символом. Таким образом, художественные средства, избранные автором для создания образа Мишуки Налымова, подчеркивают отсутствие национальной идентификации героя и как следствие полную деградацию и обреченность личности, оторвавшейся от традиций национального бытия.

В повести «Мишука Налымов», по мнению Л.М. Поляк, «недоработанность характеров соседствует с «многозаселенностью», что само по себе может служить скорее источником дисгармонии, чем средством для устранения дисгармонии» (Поляк, 1964: 16). На наш взгляд, именно «многозаселенность» повести позволяет А.Н. Толстому достаточно полно охарактеризовать многообразие национальной жизни и важнейшие приоритеты национального бытия.

Портреты семейства Репьевых очерчены отдельными штрихами. *«Ольга Леонтьевна, в кружевной наколке и в круглых очках, поджав губы, вышивала шерстью дорожку для чайного стола»* (Толстой, 2000: 66). Особо в данном случае героиню характеризуют рукоделие, которым она занята, что вполне соответствует национальной традиции. Морщинки и «старушечий» смех выдают возраст героини, обращают к ее жизненному опыту, который позволяет ей давать наставления другим героям. У Ольги Леонтьевны есть четкие жизненные приоритеты, поэтому поведение Налымова ей представляется недостойным. Именно Ольге Леонтьевне писатель отвел роль носительницы и хранительницы философии русской жизни: *«Душа должна быть ясна. Все минет – и любовь, и счастье, и обиды, а душа, верная чистоте, выйдет из всех испытаний... Теперь твои страдания очищают душу...»* (там же, с. 84).

Художественные подробности помогают Толстому подчеркнуть, как бережно относится Ольга Леонтьевна к чувствам других людей, как горячо, по-христиански любит своих близких, подталкивая их на путь милосердия и жертвенности. *«Осторожно взяла голову Веры, прижала к себе, поцеловала долгим поцелуем в волосы»* (там же, с. 85). И именно в человеческом участии и совете так нуждалась Вера.

В портрете Веры Ходанской писатель многократно выделяет несколько определяющих деталей. Глаза, как известно, есть отражение человеческой души. Именно их описание занимает главное место в портретной характеристике героини: *«светлые глаза, смеялись», «весело взглянула серыми быстрыми глазами», «глаза ее были печальные, такие чудесные»*. Героиня молода, наивна, чиста, ее душа открыта. По этой причине свое отношение к Мишуке она, не задумываясь, характеризует словом «люблю». И как иначе человек может относиться к своему ближнему, родственнику. Христианское, человеческое начало в Вере так же сильно, как природное, женское. А.Н. Толстой неоднократно подчеркивает, что Вере присуща девичья скромность, стыдливость, она всякий раз *«краснела»* и *«смущалась»* от страстных взглядов мужчин. Грязные ухаживания Мишуки вызывают у героини слезы горечи.

Внешняя деталь портрета в повести становится психологической, когда призвана охарактеризовать внутренние переживания героини. От взгляда любимого *«Вера залилась румянцем, блеснула влажными глазами»* (там же, с. 71). Когда Вера решит побороть эту страсть, *«брови Веры были сдвинуты, сухие глаза раскрыты»* (там же, с. 79). И никто не увидит ее безутешных слез, поскольку позиция «я другому отдана, и буду век ему верна» вполне

традиционна для судьбы русской женщины и укладывается в осознание национальной идентичности. Она усиливается и внешними деталями пейзажа: «*Вера слушала, как древней печалью поют птицы в саду*» (там же, с. 79).

Ряд художественных деталей раскрывает национальное своеобразие характера и уклада жизни Петра Леонтьевича Репьева, который все время «*пытался поправить свои сильно запутанные дела*» (там же, с. 82). И всякий раз терпел неудачу, «*считая, что страховка – величайший из грехов. Человек должен быть открыт перед Богом, как Иов, но не перестраховывать свое счастье*» (там же, с. 82). В этом великом доверии к Божьему провидению и полном отсутствии рационального подхода видится выражение национальной черты русского народа, талантливого и неистощимого в своих изобретениях и чудачествах.

Внимание писателя к жизни Репьевых позволяет обнаружить их тяготение к народным истокам бытия, стремление к национальному единению, соборности. Так предложение «*Деревенские девушки... отпели старинную песню*» снабжено деталью-подробностью «*по просьбе Ольги Леонтьевны*» (там же, с. 71). В духе святочных традиций в ходе праздника появляются ряженые. Здесь же Репьевы и их гости, отдаваясь чувству прекрасного, слушают «*степную, дикую песню*», которую играет скрипач-татарин. Герои проявляют интерес к иной культуре, принимая ее как братскую. При этом художественные детали выражают искреннюю приверженность христианской вере, обязательное соблюдение обрядов («*Не забудь, душа моя, помолиться*»), а также следы языческих представлений. От таракана на печке Репьев спасается заговором. Деталь, казалось бы, бытовая, но многозначительная, выдающая в герое носителя народных верований.

Картины природы и помещичьего быта, созданные А.Н. Толстым в повести «Мишука Налымов», демонстрируют национальное самосознание автора. Оно находит выражение в конкретных изобразительных деталях и образах усадебного пейзажа: пруд, сад, липовые аллеи. Среди них можно выделить образы-символы. «*На поляне стоял вековой дуб, упоминаемый во всех налымовских и репьевских хрониках, – дуплистый, ветвистый, корявый, подобный геральдическому дереву*» (там же, с. 87). Это своеобразный символ рода, семейных традиций, преемственности духовной жизни. Символично, что именно в дупле этого дуба укроется Сергей Репнин от гнева Мишуки Налымова. По мысли автора, дуб должен стать символом спасения от самодурства и вырождения личностей.

Символом преемственности духовной жизни поколений, традиций национального бытия, вечной силы любви выступает беседка в саду. Детали, описываемые автором, свидетельствуют о том, что беседка создавалась с высоким художественным вкусом и столь же высоким чувством любви, в честь прабабушки Репьевых. И если для Сергея эта трагическая история любви лишь повод для устрашающих легенд, то Никита ясно осознает, что любовь – это главная ценность человеческой жизни, и ради нее он готов умереть, как это сделал его прадед. Содержательность выразительных

деталей позволяет понять мировоззренческую позицию автора, для которого любовь – главный приоритет человеческого существования.

Детали быта и природы, используемые Толстым, служат созданию национальных образов мира, точно передают атмосферу жизни. Летом «пахло хлебом, дегтем, сеном» (там же, с. 89). Зимой «лиловые студёные тени ложатся на снег, круче выступают следы от валенок», «тонким уютным голоском поет самовар – прижился к дому» (там же, с. 95). Воссоздание деталей природы и быта помогают автору передать состояние бытия. Толстой убежден, что сама природа русского человека глубоко нравственна, именно ее писатель возвышает в ценностном отношении. Прибегая к художественным подробностям, прозаик иронизирует по поводу героев, утративших нравственность, и с особым трепетом отмечает проявления духовного здоровья, верность христианским добродетелям.

Вполне очевидно, что повествователь сам осознает себя русским человеком и выражает свою русскость посредством художественных образов и изобразительных деталей. Он демонстрирует интерес к ключевой для того времени «русской идее» уже в раннем творчестве, в полной мере реализуя мысль профессора И.А. Ильина «ищите русскость русского в тех душевных состояниях, которые обращают человека к Богу в небесах и ко всему божественному на земле, то есть в духовности человека. Вот подлинное жилище Родины, вот подлинное ее обнаружение!» (Ильин, 2004: 185).

Литература

1. Блок А.А. Новые материалы и исследования. Кн. 1. – М: Наука, 1980. – 564 с.
2. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). - М.: Флинта, 2008. – 288 с.
3. Желтова Н.Ю. Константы национального характера в литературе певой половины XX века. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2006. – 167 с.
4. Ильин И.А. Родина и гений // Молодая гвардия. 1994, № 3. - С 182-189.
5. Крети́нин Г.В. Проблема идентичности калининградцев // Калининградский социум в европейском контексте. – Калининград: Издательство Калининградского государственного университета, 2002. – С. 50 - 93.
6. Куропятник А.И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) // Глобализация и культура: аналитический подход: Сборник научных материалов. – СПб: Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 2003. С.126 - 150.
7. Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / Под. ред. Удодова А.Б. – Воронеж: ВГПУ, 2002. – 139 с.
8. Мущенко Е.Г. Поэтика прозы А.Н. Толстого. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1983. – 106 с.
9. Поляк Л.М. Алексей Толстой – художник. – М: Наука, 1964. – 462 с.

10. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. – 170 с.

11. Радугин А.А. Психология и педагогика. – М.: Центр, 2002. – 256 с.

12. Хостинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.

Источники примеров

1. Толстой А.Н. Мишука Налымов / За синими реками. – М.: Слово, 2000. – 590 с.

(0,6 п.л.)